

РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ

• 1 •

НАХОДКА

Лыков бесшумно поднялся по черной лестнице, остановился у двери и прислушался. Было тихо. Остро пахло помоями и ретирадным. Следом за Алексеем поднялся коллежский секретарь Бударгин и замер у стены. Три других оперативника Летучего отряда остались ниже на площадке, ожидая команды.

Бударгин вынул револьвер, взвел курок и кивнул Лыкову: давай, мол, ворвемся! Тот покачал головой: что-то не нравилось ему в этой тишине. Жестом отослав помощника в глубь коридора, сыщик спрятался за косяк, провел ладонью перед прозоркой¹ и сразу отдернул руку. Тут же изнутри грохнули выстрелы, и на дверном полотне образовались три большие дыры.

— Ух ты! — впечатлился коллежский секретарь. Не удержавшись, он подскочил к двери и дважды выпалил в ответ, целясь на звук. Из квартиры бухнуло тоже два раза. Пули, разбрасывая по лестнице щепки, вылетали наружу, как шмели; одна чиркнула Бударгина по рукаву. Тот ойкнул и убрался за косяк.

— Последний остался, — одними губами прошептал Лыков и хватил кулаком пониже прозорки. Раз-

¹ Прозорка — дверной глазок.

дался шестой выстрел, а следом за ним щелчок экс-трактора и звон выпавших гильз. Пора!

Алексей отступил на два шага, собрался и одним сильным ударом плеча выбил дверь. Сыщики ворвались в квартиру. Напротив входа белобрысый парень торопливо снаряжал барабан «смит-вессона» зарядами. Не успел: Лыков так саданул ему кулаком в ухо, что стрелок улетел в кухню.

С оружием в руках коллежский ассессор обежал квартиру, но никого более в ней не обнаружил. Неустроенная и грязная, она была, видимо, малообитаема: мебель в чехлах, окна закрашены мелом, ни вещей, ни следов пребывания жильцов. Только на кухне стоял початый штоф водки и лежал надкусанный огурец.

— Ваше высокоблагородие! — позвали Лыкова от черного хода. — Гляньте, что мы нашли!

Лыков поспешил к задержанному. Агенты Летучего отряда уже надели на него наручники и обыскали. Нож и кастет лежали на сундуке, а старший филер Пестов протягивал начальству револьвер:

— Узнаете?

Это был 4,2-линейный¹ «смит-вессон» особого образца для скрытного ношения. Длина ствола у него составляла всего два вершка, и отсутствовала шпора для среднего пальца, обычно помещаемая на спусковой скобе. Оружие выпускалось небольшими партиями в Туле специально для сыскных агентов. Малые размеры револьвера позволяли ему незаметно помещаться в кармане. Преступники мечтали заполучить себе такую удобную вещь, но револьверы были номерными, и полицейское начальство строго за ними

¹ 4,2 линии — калибр 10,66 мм.

следило. За последние три года пропал только один такой «смит-вессон»...

— Тот самый? — спросил Лыков, хмуро глядя на арестованного.

— Так точно, ваше высокоблагородие. Его, Красноумова.

В начале весны бесследно исчез секретный сотрудник Департамента полиции губернский секретарь Красноумов. Как и Лыков, он был «демоном» — легендарным агентом, способным внедряться в уголовную среду. Смелый и артистичный, Иван состоял в любимцах всего департамента. Алексей с ним дружил и тяжело переживал случившееся. И вот — эта находка, словно последняя весточка от человека, которого уже три месяца, очевидно, нет в живых.

Коллежский ассессор подошел к бандиту, посмотрел на него тяжелым взглядом:

— Рассказывай, где взял.

— А Недокрещенный подарил, когда мы вашего «демона» в Екатерингофке топили, — ухмыльнулся тот, нимало не смущаясь. — Эх он и кричал!

Рука Алексея сама легла на шею бандиту, а по лицу пробежала нервная судорога.

— И про Недокрещенного расскажи, — хрипло потребовал сыщик.

— Щас! — дерзко ответил тот. — Может, и псалом какой спеть?

— Понимаешь, что я сейчас с тобой сделаю? Надеешься с каторги потом сбежать? Дурень; ты даже до участка не дойдешь. Будет тебе ускоренное судопроизводство. Ну? Последний раз спрашиваю.

Сыщик и налетчик смотрели друг другу в глаза. Лицо у Лыкова стало страшное — агенты даже поехали, но арестованный и не думал смущаться.

— Ты кого другого пужай, а я свое отбоюсь. Пошел к чертям!

Алексей крикнул через плечо:

— Пестов!

— Здесь, ваше высокоблагородие!

— Сними с него наручники. И закури свою.

— Слушаюсь!

Старший филер не спеша вынул папиросу, раскурил и пустил струю дыма в потолок.

— Смотри, мразь, — снова обратился Лыков к уголовному. — Тебе осталось жизни на три затяжки. Пестов сейчас докурит, и... Будешь говорить?

— Валяй, легавый, — смело ответил парень. — Нет хуже, чем смерти ждать. Ежли я вам сейчас про Недокрещенного что скажу — мне одно не жить. Долго ли, коротко, а он меня спишет. Лучше уж коротко. Валяй, казни! Твоя власть.

Лыков стоял, ждал, пока старший филер докурит. Все молчали. Наконец, Пестов крякнул и швырнул окурочок на пол. Лыков кивнул агентам, те, толкаясь, поспешно кинулись на лестницу. Через несколько секунд в квартире раздался выстрел. Коллежский ассессор вышел к подчиненным, убрал дымящийся «веблей» за спину, ладонью стер с лица злые складки:

— Все помнят, что говорить?

— Так точно, ваше высокоблагородие, — ответил за остальных Бударгин. — Убит при задержании. Вон дверь-то как издырявил!

Через четыре дня в зале заседаний Окружного суда тот же Бударгин стоял перед прокурором и четким баритоном декламировал:

— Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по сове-

сти покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего, мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ перед законом и пред Богом на Страшном суде Его. В удостоверение же сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

Коллежский секретарь торжественно поцеловал Евангелие и крест, придал лицу серьезно-торжественное выражение и посмотрел на прокурора собачьими преданными глазами. Тот строгим голосом произнес:

— Итак, после клятвенного обещания ответьте теперь суду, при каких точно обстоятельствах погиб Иван Сергеев Кошкин, которого вы под командой коллежского асессора Лыкова пытались арестовать? И не содержалось ли в действиях Лыкова превышения власти и требований необходимой самозащиты?

— Никак нет, ваше высокородие, ничего такого в действиях господина Лыкова не содержалось. Указанный Кошкин стрелял в нас и даже оконтузил мне руку. Он положительно не желал сдаваться. Коллежский асессор Лыков, не рискуя подвергать опасности жизни членов Летучего отряда, вынужден был открыть ответный огонь. И я вместе с ним. Инструкция позволяет стрелять в ответ на сопротивление противника, если это продиктовано необходимостью самозащиты.

— Да знаю я вашу инструкцию! — отмахнулся прокурор. — Пятеро на одного — и самозащита. Чему вас там только учат?

Бударгин нахмурился, но благоразумно промолчал.

— Что имеете сказать про обнаруженный на Кошкине специальный револьвер?

— Когда ответным огнем в порядке самозащиты господин Лыков застрелил упомянутого...

— Короче! — рывкнул судейский.

— Могу короче, — обиженно пожал плечами коллежский секретарь. — Когда, защищаясь от преступных выстрелов ответным огнем, господин Лыков поразил злодея, на теле последнего был обнаружен револьвер системы «смит-вессон» специального образца, находящийся на вооружении агентов сыскной полиции. Сличение номера показало, что оружие принадлежало губернскому секретарю Красноумову, чиновнику особых поручений XII класса Департамента полиции, пропавшему без вести в первых числах марта этого года при выполнении секретного задания.

Прокурор перегнулся через конторку и впился в сыщика сверлящим взглядом:

— А может быть, Кошкин был схвачен живым? И находка револьвера вызвала у коллежского асессора Лыкова чувство злобы и желание мести? Подумайте над ответом хорошенько и помните о клятве на Святом Евангелии. Отчет придется держать перед Всевышним!

И пафосно поднял палец к потолку.

— Никак нет, — уверенно заявил Бударгин и преданно всхлипнул. — Как же я могу нарушить клятву! Кошкин был к тому времени уже убит... ответным огнем в порядке самозащиты. Да и номер мы смогли сличить только по прибытии в оружейное депо департамента. Мало ли таких револьверов на руках? Отпили ствол — и готово дело...

Остальные четыре агента подтвердили показания коллежского секретаря, и судья тут же закрыл дело о превышении власти за недоказанностью. Лыков со своими людьми вышел на Литейный. Там Алексей молча пожал сыщикам руки и отправился на службу доложить начальству. Календарное лето еще не началось — было 26 мая, но жара в 1886 году, видимо,

решила взяться за дело раньше срока. Пекло уже немилосердно. Все, кто мог сбежать из раскаленного города, спешили в отпуска или на дачи. Вот и Благово на прошлой неделе укатил во Францесбад лечить больные почки. Замещавший его статский советник Цур-Гозен принял Лыкова незамедлительно.

— Ну как?

— Ребята отмазали.

— И поклялись, не моргнув глазом?

— Конечно.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнул статский советник. — А вообще, чего это прокурор так на тебя взъелся? Дают ему грош, так, вишь, не хорош! Дело открыл... Будто в первый раз при задержании убивают!

— Потому и открыл, что не в первый, — пояснил Алексей. — В прошлом году в Темир-Хан-Шуре — помните, я командировался в Военное министерство? — тоже случилось. Я тогда Раковникова, стервеца, застрелил. Только на Кавказе меня за это похвалили — там разговор короткий; а здесь, в столице, пытались из службы исключить. Чистоплюи. Этого бы прокурорского хоть раз на пули пустить, поди, полные штаны наладет. А других судить горазд!

— Да... — пробормотал Цур-Гозен, который тоже никогда не ходил на пули. — Судейские далеки от жизни, это точно. Но... Алексей Николаич... ты бы того... Ты в отпуску давно не был?

— Два года.

— Вот! — обрадовался статский советник. — Пора и отдохнуть! Ты не обижайся, пожалуйста, но уехать тебе надо. Скрыться с прокурорского горизонта. До осени. Пусть на Литейном все забудут. С глаз долой — из сердца прочь! А в конце августа вернешься и продолжишь служить, как служил. Согласен?

— Отпустят ли? — засомневался Лыков.

— А я переговорю с Дурново¹. Объясню ему. У тебя что сейчас из срочного?

— Да все то же. Ограбление Верблонера.

Цур-Гозен смачно матюгнулся. Банкирская контора Верблонера располагалась на Невском проспекте, в самом центре столицы. Недоброй апрельской ночью в нее забрались грабители, убили сторожа и похитили германского монетного золота на 112 тысяч рублей. Тевтонский посланник вручил министру Гирсу ноту; расследованием интересовался сам государь. Третьего дня люди Лыкова вышли на парня, который расплатился в «Малиннике» золотой маркой. Проследили его жилище на Охте — и Алексей застрелил по-дозреваемого при аресте.

— Все равно он ничего бы не сказал, — угрюмо пробормотал коллежский ассессор. — Знаю я этот сорт... И возможность ему дал. Без толку...

— Я разговаривал с агентами, — ответил Цур-Гозен, глядя в окно. — Можешь не оправдываться. Значит, опять Недокрещенный?

— Так точно. И как же я в отпуск отбуду?

Статский советник долго смотрел на серую ленту Фонтанки, вздыхал про себя и тер маленькой ладонью столешницу. Потом сказал:

— А черт с ним! Сразу после акта Недокрещенный всегда уезжает из города. Сейчас он может быть где угодно, только не в Питере. Государь собирается в Ливадию, граф уже полмесяца, как в Маково². И че-

¹ П. Н. Дурново — в 1884–1893 гг. директор Департамента полиции.

² Село Маково Михайловского уезда Рязанской губернии — имение министра внутренних дел Д.А. Толстого.

го ты будешь тут париться? Прокурорским лучше пока не попадаться на глаза. Пиши рапорт.

— Есть, Христиан Андреевич! — обрадовался Лыков.

— Куда направишь свои стопы?

— Скатаюсь на недельку во Францесбад, попорчу жизнь Павлу Афанасьевичу. Чтобы медом не казалась... А потом к своим, в Варнавин.

— Эх, везет богачам! — вздохнул Цур-Гозен, живший на одно жалованье. — Вам Бог дал, а нам посулил... (Как многие немцы, статский советник любил употреблять русские поговорки.) Но, Алексей Николаевич, будет тебе одно поручение. Чтобы медом не казалось... Думай, как Недокрещенного взять. Давно уж он нам жилы тянет. Жду тебя в конце августа с планом оперативных мероприятий.

— Будет сделано!

• 2 •

НЕДОКРЕЩЕННЫЙ

Банда Недокрещенного впервые объявилась два года назад, в 84-м. Тогда неизвестные ограбили контору Государственного банка в Таганроге, убив трех кассиров и охранника. Поиски злоумышленников ничего не дали. Через три месяца в Москве зарезали Иосифа Чеснавера, богатейшего в городе ювелира, не гнушавшегося покупать и краденое. Начальник сыскальной полиции Эффенбах сумел вычислить наводчика — им оказался родной племянник убитого. От него сыщики получили первые сведения о необычной банде гастролеров. Их было около десятка, они не разменивались на мелочи и не оставляли живых

свидетелей. Последнее подтвердилось самым неожиданным образом: племянника удавили в Бутырском МОКе¹, и исполнителя не нашли... Убитый наводчик общался только с посредником, главаря не видел, но слышал его кличку – Недокрещенный. Произнося ее, посредник, тертый калач, зажмуривал глаза и принимал стойку «смирно». Вскоре его тело обнаружили в Даниловке, в канаве.

После третьего ограбления (в Ростове убили самого богатого домовладельца) дело передали в столицу. Департамент полиции начал циркулярный розыск. Словно в насмешку над ним, неуловимая банда провела еще четыре акта: в Одессе, Варшаве и дважды в Петербурге. Налеты обычно следовали весной и в начале лета, а на зиму прекращались. Во всех случаях был один и тот же почерк. И никаких следов, только еще десять трупов.

Благово злился — уже много лет он не испытывал такой беспомощности. Агентура докладывала, что в среде фартовых Недокрещенного не знают. В этом и была загвоздка. Если бы гастролеры принадлежали к уголовному миру, их бы давно уже арестовали. Или как минимум идентифицировали. Конечно, гайменники² Горячего поля в Петербурге или душителы из Даниловских пещер в Москве скрываются от закона годами. В обеих столицах есть много мест, не доступных полицейским облавам. Однако имена злодеев все известны, и при неосторожном их появлении на людях происходит задержание. Здесь же вообще ничего! Не имеется даже примет. Десяток отчаянных головорезов, сведения о которых начисто отсутству-

¹ МОК — мужской одиночный корпус Бутырской тюрьмы.

² Г а й м е н н и к — убийца (*жарг.*).

ют. Вся секретная агентура оказывается бессильной, если разыскиваемые не соприкасаются с уголовной средой.

Но даже у таких конспираторов имеется одно уязвимое место — это сбыт краденого. Пусть злодеи не ходят на «малины» и не якшаются с ворами, но все равно добытые ценности нужно обращать в деньги. А маклаки все до единого состоят на учете в сыском отделении, а часто и составляют ту самую агентуру. И если в Нижнем Новгороде их насчитывается 75 человек, то в Петербурге — более тысячи. Таких же, кто в состоянии купить бриллианты большой стоимости, не более трех десятков на всю империю. За них и взялся Департамент полиции. Проявленная при этом особенная энергичность вскоре дала результаты. Темный полтавский ювелир Мойша Зильбервассер не смог объяснить происхождение найденной у него алмазной полупарюры¹. Сказал было, что принес неизвестный оборванец, но сыщики только посмеялись. Комплект в двадцать тысяч рублей к таким в руки не попадает. Полупарюра оказалась из вещей, отобранных у Чеснавера. В Полтаву спешно выехал коллежский советник Оконор и с ним два ассистента крепкого сложения и мрачной наружности. Начальник секретного отделения столичного градоначальства славился умением развязывать любые языки. Зильбервассер очень боялся выдавать продавцов бриллиантов, но Оконора это мало интересовало. Когда ювелир понял, что его забьют до смерти, если не расколется, он дал показания. Так в деле появился первый участник банды Недокрещенного, некий

¹ Полупарюра — неполный гарнитур из ювелирных украшений (серьги, брошь и запонки), изготовленных в одном стиле.

Ерославцев. Отставной подпрапорщик, уволенный за неблаговидные по службе поступки, он, видимо, отвечал в шайке за сбыт слама¹. Зильбервассер описал приметы бывшего воина. По ним сыщики быстро отыскали Ерославцева в Москве, хотя тот и проживал по подложному паспорту. Арестовывать лиходея Павел Афанасьевич запретил, а велел подвести к нему агента. Так в расследование вошел Иван Красноумов.

Он служил сыскным городовым в Николаеве, когда там появилась и начала греметь банда Атамана Грозы (налетчика Ярошенко). Молодому сыщику предложили в нее внедриться. У него оказался замечательный талант к перевоплощению. Через три месяца банда была ликвидирована, а ее главарь уплыл на Сахалин. Красноумов получил первый классный чин и перевод в столицу. Как спасшийся от ареста николаевский гайменник, он поселился в доме Фредерикса на Лиговке и быстро стал там своим. Трехэтажный доходный дом барона относился к числу опаснейших петербургских клоак: все его обитатели без исключения были фартовые. Уже через месяц коллежский регистратор раскрыл убийство купеческой вдовы в Александровской слободе и помог изловить опаснейшего дезертира. Чин губернского секретаря стал ему наградой.

Иван числился за Летучим отрядом Департамента полиции и не соприкасался со столичным градоначальством. Однажды питерские сыскные задержали его на облаве с липовыми документами и посадили

¹ Сла м — краденое, добыча.

в ДзПэЗэ¹ на Шпалерной. Веселый, обаятельный, уверенный в себе, «демон» завел там широкое знакомство и даже сделался старостой камеры. Особенно полезным оказалось его общение с представителями московской «диаспоры».

Между столичными и московскими фартовыми отношения издавна складываются не просто. Это похоже на распрю западников со славянофилами: перо в бок, конечно, не сунут, но козью морду скривят... Москвичи патриоты и неохотно пускают промышлять у себя залетных. Ну, вызовут «варшавских» подломить несгораемую кассу. Простят одесским шулерам пару выигрышей в клубах, но потом предложат и честь знать. Примут на реализацию «красноярки»² от темных сибирских купцов. Вот, пожалуй, и все. Есть преступные профессии, требующие постоянных перемещений, — у таких, конечно, всегда входной билет в Первопрестольную. А прочих могут и попросить. Городское уголовное сообщество едино, и все всех знают, хотя бы и понаслышке; конфликты редки.

Не то Петербург. Столица — один большой вокзал. Фартовые едут со всех концов бомбить жирных питерских гусей. Внутри сообщества никакого единства: Острова живут своей жизнью, Лиговка враждует с Сенной площадью, Горячее поле снимает сливки, а пригородные фабричные окраины воюют против всех. Когда эта разношерстная публика оказывается собранной на четвертом, «воровском» этаже Домзак, распря обостряется и делается всеобщей.

¹ Дом предварительного заключения, Петербургская городская следственная тюрьма.

² Красноярки — фальшивые банкноты (*жарг.*)

Но в этой дурной сваре у немногочисленных москвичей особое положение. Их никто и пальцем не тронет, потому как потом окажется себе дороже. Мелочь, уголовная шпанка свое место знают и не высываются. Серьезные же фартовики, кому идти на каторгу, помнят, что дорога туда лежит через Москву. Все арестантские партии с севера, запада и востока Европейской России выходят в свой скорбный путь из Бутырской тюрьмы. Любой питерский «иван», даже самый авторитетный, потеряется в этом полуторатысячном муравейнике. Партии иногда приходится ждать несколько дней, а зимой — даже недель. За это время московские ребята могут припомнить все свои обиды. Во-первых, старосты рекрутируются исключительно из местных. Во-вторых, что еще важнее, вся низовая тюремная администрация давно куплена московскими деловыми. От субинспектора до помощника смотрителя, а говорят, что и сам смотритель...

За время случайной отсидки на Шпалерной Красноунов сошелся с Петром Наковалкиным, по кличке Кривая Шканда. (Тот сильно хромал — хапиловские перебили ногу за обман.) Наковалкин держал лучшую в Москве подпольную кассу ссуд и обслуживал первостатейных налетчиков. Сюда он попал случайно. Московские сыщики обнаружили у Петра в закладе янтарный с золотом мундштук, похищенный у егермейстера графа Олсуфьева. Начальник Петербургской сыскальной полиции Виноградов любил дела, где замешаны хорошие фамилии, и брал их на свой контроль. Наковалкина через день таскали на Офицерскую и добивались признания: Виноградов хотел отличиться перед графом.

Благово решил воспользоваться ситуацией и по доброте к Недокрещенному. Вдруг выгорит? Из